

Сегодня гость нашей 13-й страницы — депутат сейма Польской Народной Республики, известный писатель Януш ПШИМАНОВСКИЙ (его «Четыре танкиста и собака» знакомы многим нашим читателям и телезрителям). У гостя на лацкане пиджака — орден Улыбки, учрежденный и присуждаемый польской детворой, и знак советской морской пехоты.

В Польше при вручении соблюдается торжественный церемониал. Выходит маленький герой и провозглашает: «Всем, всем! Есть здесь такой-то?» Дети отвечают хором: «Здесь!» — и выводят вперед героя торжества. Он произносит слова присяги: «Обещаю вопреки бурям и трудностям нести с собой улыбку и передавать эту улыбку другим!» Его ударяют по плечу розой, посвящая в кавалеры ордена, и вручают сам орден. После этого ему полагается выпить стакан лимонного сока и широко улыбнуться.

— Воевали вы в призовских плавнях. А что было до этого? Откуда вы родом?

— Из Варшавы. Один дед — сталевар, другой — машинист на паровозе. Отец тоже работал на железной дороге, но бухгалтером. В 1939 году началась война, и я семнадцатилетним школьником пошел в армию добровольцем. Среднюю школу заканчивал уже в Советском Союзе, в Бресте. Вступил в комсомол, работал в каменном карьере, потом, в 1941-м, вместе с другими беженцами оказался на Ставрополье. Стал трактористом в колхозе имени Чапаева, даже выбрали секретарем комсомольской ячейки. Сейчас этот колхоз — крупный агропромышленный комплекс.

— Там-то вы и побывали сорок лет спустя?

— Да, и в Ставрополе, и в Кармалиновке. Что за поездка! Улыбки вперемешку со слезами. Возвращение в молодость, в военную, огневую. Первым, когда-то протянувшим мне лопотку пшеничного каравая за обедом на полевом стане бригады, был

дир дивизиона тяжелой артиллерии. Потом Магнушевский плацдарм — уже на Висле. Осенью 1944-го меня перевели в газету 1-й армии Войска Польского. Так поменял «род оружия», и новому, журналистике, оставался верен до конца службы. Менялись редакции, должности, звания. Из армии ушел в 1973 году. Собственно, что значит «ушел»? Освободил штатную должность для молодых. С армией связан навсегда. Недаром меня зовут — полковник Пшимановский.

только книга и фильм «Четыре танкиста и собака», но и многосерийный телефильм «Вызываем огонь на себя», сценарий которого вы написали вместе с Овидием Горчаковым. Не меньше у нас известен Пшимановский-поэт. А ведь я помню время, когда вся Польша распевала ваши песни...

— Не будем преувеличивать. Есть у меня томик интимной лирики и несколько песен, действительно пользовавшихся успехом. Среди них — «Мы — армия» (с припевом — «Витай, Зосенько, отужоженко...»), «Под-

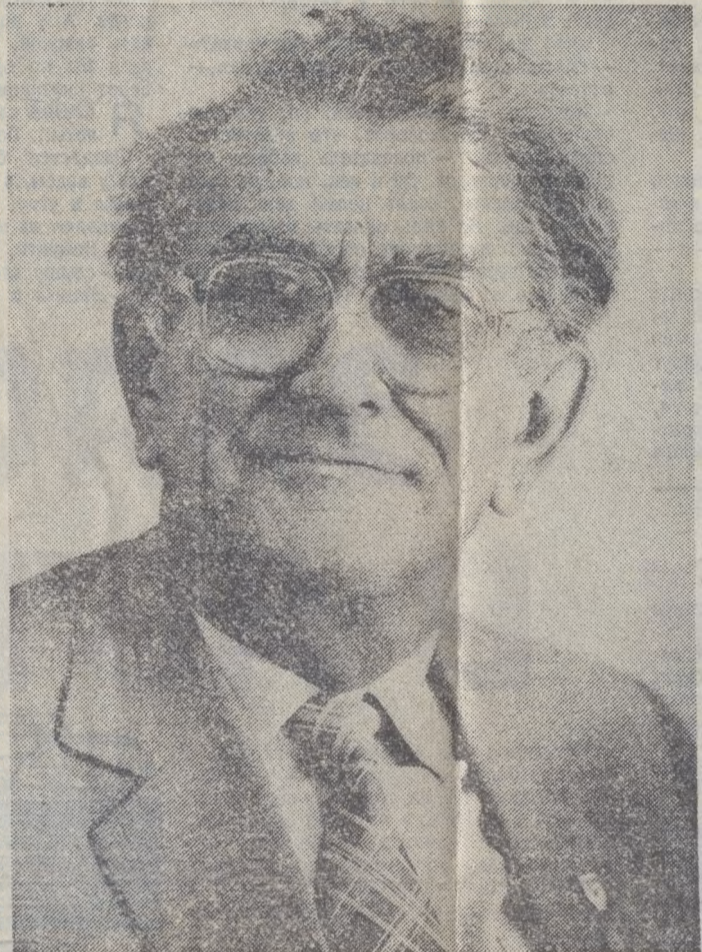
— Воздух, которым дышу, хлеб, который ем. Главное, коренное в жизни, без чего уже невозможно себе ее представить. А ведь так было не всегда. Зародившееся на полях сражений братство наших народов оказало огромное и благотворное воздействие на дальнейшую судьбу Польши.

— Вы ведь служите польской культуре и как литератор, и как общественный деятель — депутат сейма ПНР...

— Я член двух постоянных комиссий сейма: народной обороны и по делам культуры. В области культуры дел и проблем тоже предостаточно. Наш противник избрал ее полем острой политической борьбы. Вот пример из недавнего прошлого, наиболее близкий мне. Захватив руководство старого Союза писателей, воинствующие политики тут же решили ликвидировать секцию военно-художественной литературы. Мешала она им Самоупоминание польско-советского братства по оружию было им невыносимо. А мы ее сохранили как боевую единицу, временно переведя в Главное политуправление Войска Польского. И когда был создан новый Союз писателей, вернули в него секцию. Противник сильно потрепан, но не разбит окончательно, нам предстоит еще многое сделать в борьбе за умы и сердца людей.

— Какова роль Войска Польского в общественно-политической жизни страны?

— Очень заметная. Прежде всего это школа воспитания молодежи. Без пап и мам парни в мушкетерах по-новому оценивают жизнь, свое в ней место. Рота для каждого жолнеца (солдата) — это Польша в миниатюре. Здесь он встречается с людьми разных сословий, из разных уголков страны. Знающие и умелые офицеры способствуют гражданскому возмужанию ребят, развитию их общественно-политического сознания.

— Януш, случайно ли это соседство ордена Улыбки и знака морских пехотинцев?

— Конечно же, нет. Самые трудные для меня дни во время войны — февраль и март 1943 года. Непролазные призовские плавни; нашей 62-й бригаде морской пехоты приказано взять станцию Черноокерковскую. Гитлеровцы подтянули туда по льду орудия, танки. У нас из оружия только то, что несем на себе (я — с противотанковым ружьем). Почти все время по пояс или по грудь в ледяной воде, ни обсушиться, ни обогреться. Но рядом друзья-тихоокеанцы. Идем в ночную атаку через болото, и громче шума боя звучит: «Полундра!»

Побывал в этих местах более сорока лет спустя. Родились стихи. Например:

Столько сини вокруг,
так сверкает земля
позолотой.

Януш

ПШИМАНОВСКИЙ

Но привидится мне — только гарь, только пепел кругом. И четвертой своей боевой истребительной ротой мы поднялись уже и с «полундрой» в атаку идем.

Мы в атаку идем. Мы не ждем ни бессмертья, ни славы. Мы поднялись за Эрик, за Днепр и за Вислу свою. Как же радостно мне, что очкарик-поляк из Варшавы в те суровые дни топал в этом строю...

Так что памятный знак морской пехоты для меня выше многих наград

— А орден Улыбки?

— И он тоже. Его дают дети, и только дети. Одна наша писательница побывала в лечебнице, где лежат тяжело больные дети. Они ей и подсказали: «Надо награждать тех, кто дарит нам улыбку». Так родился этот уникальный орден. Первым его получил профессор-хирург, но не за операцию, а за то, что все свободное время проводил с юными пациентами, успокаивал их, занимал, рассказывал сказки. Вторым кавалером ордена стал я; очень этим горжусь. Тогда вышла моя книга «Четыре танкиста и собака». Ребята сразу полюбили ее героев, стали играть в четырех танкистов, а Шариков развелось видимо-невидимо, что ни собака — непременно Шарик. Ну, и еще один орден Улыбки у меня в чемодане...

— Кому он предназначен?

— Человеку, вызывающему не просто улыбку, а смех, хохот детворы многих стран: В. Котеночкину — создателю знаменитой мультипликационной серии «Ну, погоди!». Жаль, конечно, что на сей раз ритуал вручения будет несколько неполным.

черноволосый Петр Маслов. И вот теперь подходит ко мне седой мужчина, правый рукав пуст: «Я — Петя Маслов» Обнялись, заплакали. А ведь я против слез, тем более мужских... В плавнях нашел место, на которое хотел вернуться всю жизнь: там погиб наш командир, боцман Степа Волков. Он спас мне жизнь, закрыл от пули собственной грудью, когда поднимал нас в атаку. Место это приметное: возле моста, там три канала сходятся. В Ставрополе постолл у дома, на первом этаже которого аптека. А над ней жила Светлана. Сейчас там тоже учреждение. Светлана вместе с группой студенток приехала в наше хозяйство на жатву. Дружно работали, а по вечерам не было Светлане равных в песнях, игре на гитаре. Однажды мы с ней вместе протанцевали весь вечер модные тогда фокстроты и танго... Фашисты прорвали фронт под Ростовом, началась срочная эвакуация. Вместо Светланы меня ждал ключок бумажки, торопливо написанное: «Ищи после войны». Да... Вскоре после этого жизнь снова повернулась.

— Как же она повернулась?

— «Белобилетник» из-за неважного зрения, я трижды становился солдатом. Солдатом трех армий, и каждый раз добровольно. В 1939-м — Войска Польского в старой Польше. В 1943-м — Красной Армии. И в том же 1943-м, после госпиталя, — нового, народного Войска Польского, формировавшегося на советской земле. Боевое крещение получил к югу от Пинских болот; был заместителем коман-

— Значит, полковник Пшимановский, военный журналист, стал писателем?

— Писать я пробовал еще в школе. Стихи для девушек. Замахивался и на большее, но не имел жизненного, общественного опыта. Все, о чем писал, было придумано, а не пережито. Война и все с ней связанное дали знание жизни, людей. Наконец, десятки сюжетов Скажем, те же бои на Магнушевском плацдарме, когда деревня Студзянки 14 раз переходила из рук в руки Или такой факт. После взятия нами Колобжега (у гитлеровцев он назывался Кольбергом) было недели две передышки. Большинство наших солдат — крестьяне. Весна. И они, не сговариваясь, без какой-нибудь команды, стали сеять. Не для себя. Знали, что сюда больше не вернуться. Но для тех людей, что придут и навсегда поселятся на этих исконно польских землях. И засеяли, представьте себе, отнюдь не клочки, а целые поля.

— Вас считают сугубо военным писателем — это правильно?

— Три четверти моих книг — на военную тему. Я ее не выбирал, она выбрала меня. Такова моя жизнь. Ведь каждый из пишущих в некотором смысле пишет свою биографию: кто явно, кто неосознанно. Если я хочу о чем-то рассказать другому человеку, то, понятное дело, должен знать эту тему лучше, чем он.

— В Советском Союзе, как и в Польше, очень популярны не

гальский стрелок», «Какие красивые парни», некоторые другие. А всего написал более двухсот песен, в основном солдатских. Ну, и еще два мюзикла: «Четыре танкиста» и «Мастера-волшебники» для детей.

— А что впереди?

— Собираются поставить мою музыкальную пьесу «Тринадцать песен» — о битве за Берлин, в которой, как известно, Войско Польское тоже участвовало. Возобновляется и телевизионная пьеса, ей уже четверть века, история о том, что случилось с одним танковым экипажем за 45 секунд; она так и называется «Сорок пять секунд». С нетерпением жду выхода книги «Память». О ней советская печать уже сообщала.

— Что послужило непосредственным поводом к созданию такой книги?

— В моей книге «Студзянки» много имен польских и советских воинов, которые участвовали в кровопролитнейших боях. Упомянут там и офицер Зайнутдинов (он погиб). Однажды получаю письмо и узнаю, что моя скромная книга стала чуть ли не святыней в далеком узбекском доме, в семье Зайнутдиновых. Подумал: а может, именно так увековечить память советских солдат и офицеров, павших за освобождение Польши? Вторая часть «Памяти» — список погибших воинов с указанием места их захоронения. Книга выйдет к концу года на польском и русском языках.

— Самое время спросить: что лично для вас означает польско-советское братство по оружию?

— Мы все о делах, о заботах. А как отдыхает полковник Пшимановский?

— Для меня лучший отдых — работа. Люблю свою работу! Если же делать перерывы, то — в лес, в горы, на воду. Возму машину, плаваю под парусом...

— Любимые ваши писатели, композиторы?

— Не оригинален в этом. Учусь писать у Пруса, Сенкевича, Домбровской У Домбровской удивительно прозрачная проза. Люблю XIX век, особенно Бунина, Тургенева, Чехова. Из современных — Хемингуэя, Стейнбека. Из композиторов — Шопена, Шимановского, Пендерецкого... Когда надо над чем-нибудь подумать, ставлю пластинку Баха. А когда боевой день, предстоит очередная драка, — марши в исполнении шотландских воинов Живопись люблю — поехал по белу свету, почти во всех главных картинных галереях побывал и, смею надеяться, научился понимать и ценить живопись Тем более что дома свой советчик: дочка — художница, иллюстрирует книги для детей. Хорошая художница. Удостоена премии Министерства культуры ПНР.

Гостя расспрашивал
Николай ЕРМОЛОВИЧ.